

К Р О К О Д И Л

К 556/41г

Бор. Ефимов - 41

ДОРОЖНЫЕ ЗНАКИ

Туда и обратно.

Рис. Бор. Ефимова.

Рис. Ю. Ганфа.

— Как обидно, что мне не удастся дослушать эту интересную информацию!

Самовар и самопалы ✓

Никогда не умирала
 Слава тульских кузнецов —
 Самовары-самопалы
 Смастерили для бойцов.
 В этом хитром самоваре
 Кран особый, боевой —
 За версту врага ошпарит
 Кипяточек огневой.
 Ой, горяч в тебе кипяточек,
 Самовар-самопал, дружок!
 Пышут жаром небывалым
 Самовары-самопалы,
 Вот так самовары!..
 Тульский чай совсем не сладкий
 Для непрощенных гостей —
 И в прикуску и в накладку

Прожигает до костей.
 Подается чай с припаркой
 И горячим леденцом,
 Самовары тульской марки
 Пышут жаром и свиномом.

Припев.

В нашу землю Гитлер рвется,
 Хочет чаю-сахарку,
 Скоро Гитлер захлебнется
 От советского чайку.
 Мы бандитов угощаем
 По привычке боевой
 Дегтяревским крепким чаем
 И водицей огневой.

Припев.

Мы большие хлебосолы —
 Наготове кипяток.
 Для фашистов в наших селах
 Партизанский есть чаек.
 У коричневой оравы
 Аппетит к чайку пропал,
 Угощает их на славу
 Самоварчик-самопал.

Ой, горяч в тебе кипяточек,
 Самовар-самопал, дружок!
 Пышут жаром небывалым
 Самовары-самопалы,
 Вот так самовары!

СЕРГЕЙ АЛЫМОВ.

— Откуда, парнишна?
 — Из лесу, вестимо. Отец, слышишь, рубит, а я отвожу.

Суровый приговор

5 СЕНТЯБРЯ сего года берлинский житель Вилли Грох, демонстрируя свою любовь к гитлеровскому строю, накиннул себе на шею петлю. Прибывшие на место происшествия агенты гестапо оказали пострадавшему медицинскую помощь. На другой же день утром Вилли Грох со скамьи подсудимых держал ответ за свое тяжкое преступление.

— Подсудимый,— обратился к нему судья,— что толкнуло вас на этот преступный путь? Вилли Грох молчал.

— Подсудимый,— продолжал судья,— ответьте откровенно. иначе вас ожидает суровая кара.

Вилли Грох молчал.

— Подсудимый,— не унимался судья,— дайте слово, что вы больше не будете вешаться.

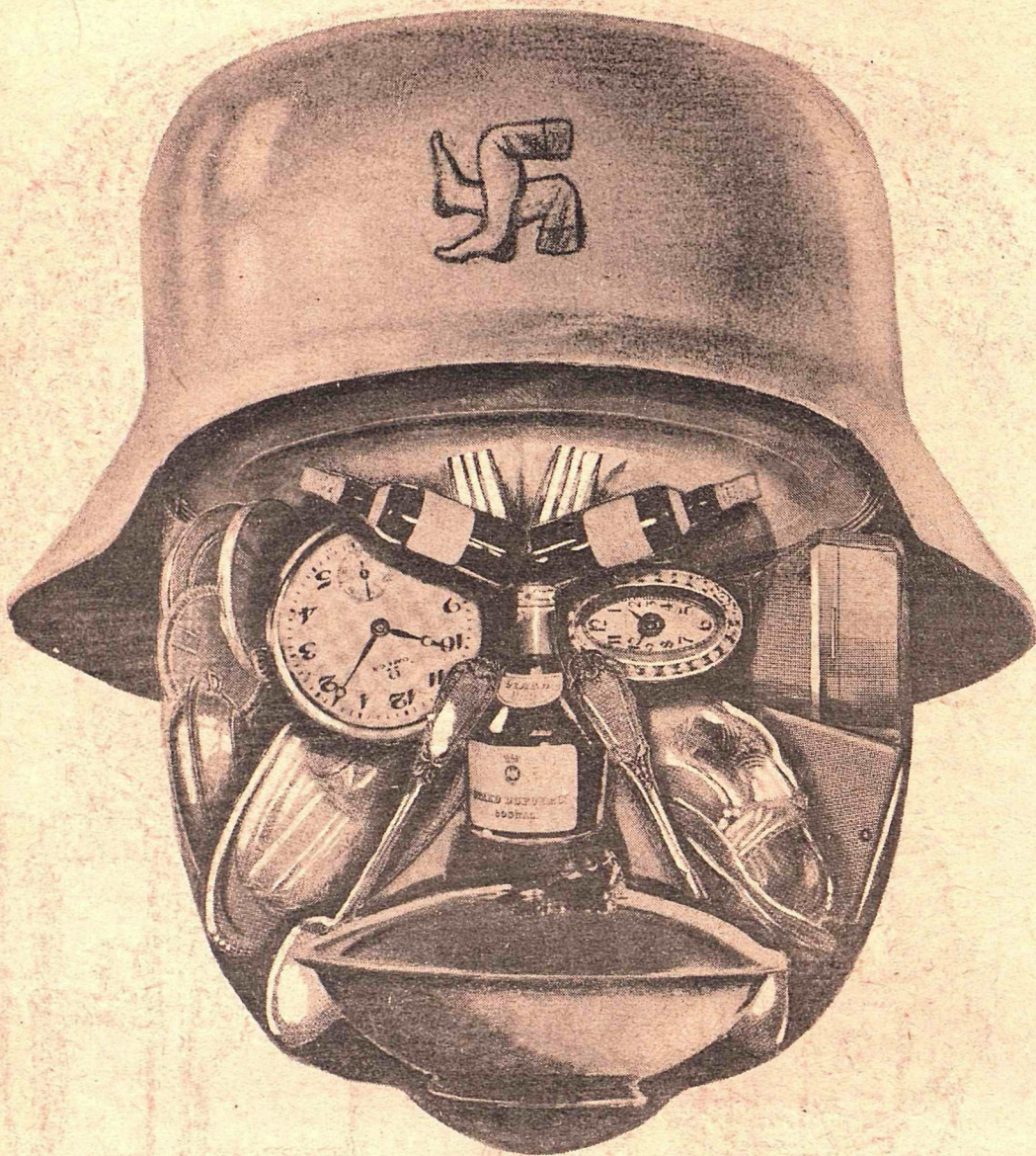
— Не могу я дать такого обещания,— еле слышно промолвил Вилли Грох, еще не оправившийся после оказанной ему агентами гестапо медицинской помощи.— Все равно наложу на себя руки...

Суд совещался около трех минут.

Приговор гласил:

«Поскольку Вилли Грох совершил преступление по молодости лет, он заслуживает снисхождения и мог бы быть отправлен в качестве солдата в Париж или другой какой-нибудь завоеванный нами город. Но поскольку он решил так или иначе покончить жизнь самоубийством, суд постановляет: отправить означенного Вилли Гроха на восточный фронт».

И. ВЕРХОВЦЕВ

Лицо германского офицера.

— Это кто такие?
— Бывшие бабушка

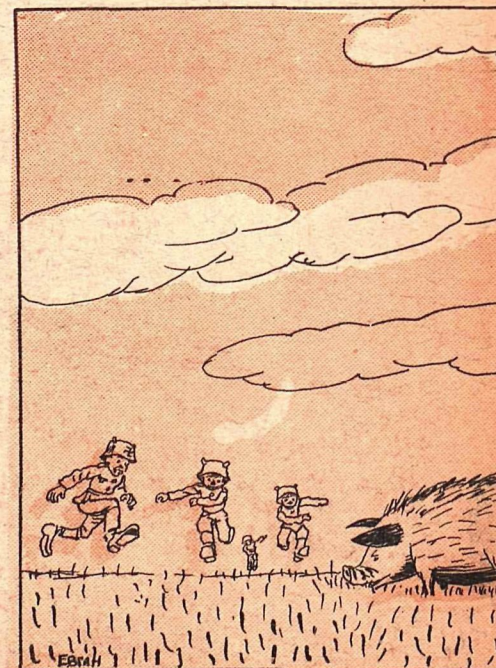
Шопот в Берлине ✓

— Фрау Шмидт!
— Фрау Мюллер!
— Боже, как вы переменились! Кожа да кости!
— Ради бога, ни слова о мясе!
— Я совсем забыла.
— Но ведь фюрер обещал, что в победоносной войне с русскими мы будем в тяжелом положении только до 1 августа 1941 года!
— А потом?
— А потом мы свыкнемся с этим положением.
— Ах, когда кончится эта проклятая война с русскими?
— Неслыханные потери! И это — еще не все. Говорят, в связи с острым недостатком горючего фюрер приказал выкачивать спирт из наших доблестных солдат!
— О, мой бедный Отто! Он не выдержит этой ужасной операции! Мой бедный мальчик! Из него, наверно, выкачают два галлона!
— С этим горючим просто несчастье. Вчера по радио объявили: категорически воспрещается чистить бензином штаны и жилетки!
— Реквизируются все медные ручки от дверей! Открывать двери рекомендуют штопором!
— Жертвовать всех собак на зимние шубы для армии!
— Голова идет кругом! Говорят, фюрер отменил все железные кресты: не хватает железа!
— Да, да, я тоже слышала, что велели поставить один огромный железный крест на всю нашу армию!

— Ужас, ужас! Говорят, какой-то таинственный русский летчик по имени Ифан Таран откусывает хвосты нашим самолетам! И наши доблестные летчики сыплются, как горох, на землю!
— Боже мой! Без крестов! Без штанов! Без хвостов! Как мы сможем воевать?
— А тут еще какой-то партизан появился у русских. Что это такое?
— Партизан — это человек-невидимка. Партизан все видит, фрау Мюллер, а его — никто. Поэтому поймать его невозможно. Говорят, наши доблестные солдаты стреляют в него, а его никакая пуля не берет.
— Ужас, ужас! Я больше не могу говорить об этой проклятой войне. Как поживает ваша дочь Лотта?
— Ах, фрау, не спрашивайте меня о ней. У меня больше нет дочери.
— Что случилось?
— Вчера мою Лотту увезла полицейская карета.
— Куда?
— На брачный пункт. И теперь она не Лотта Шмидт, а чистокровная арийская кобыла под номером сто тридцать один.
— Что же делать, фрау Шмидт! В войне с русскими нам нужно срочно рожать прозное пополнение.
— Неужели вы думаете, что новорожденных арийских крошек тоже пошлют на фронт? Что они смогут делать?
— Не знаю. Может быть, это будет какая-нибудь новая психическая атака.
— Тсе! Кто-то идет. Хайль Гитлер!
— Хайль!

АННА ПАВЛОВА

Рис. Евгана.

— Ты бы взял пример с нашего дуче.
 — А что?
 — Если не умеешь быть хозяином поступи, как он, в приказчики.

и внучка, а теперь сестры.

а живца!

Четыре ухажора ✓

ШУТОЧНАЯ ПЕСЕНКА

Было много ухажоров,
 Все любили здорово.
 Ваня, Митя, Коля, Жора...
 Полюбить которого?
 Жора с Колею — что кони,
 Резвые, горластые;
 Ваня с Митею — тихони,
 Да уж больно ласковы.
 С теми девушке, понятно,
 Не приходится скучать;
 Ну, а с этими приятно
 Даже просто помолчать.
 Все четыре — хлеборобы,
 Все — стахановцы полей.
 Вот и выбери, попробуй,
 Кто для девушки милей!
 Подожду еще немного —
 Годик — два, помеха ли?
 Вдруг военная тревога!

Все на фронт уехали...
 Норму перевыполняю
 Я на поле вчетверо.
 Об уехавших скучаю
 Потихоньку вечером,
 Вышивала полотенце
 Для храбрейшего бойца.
 Письмоносец входит в сенцы:
 «Вам четыре письмаца!»
 Все четыре ухажора —
 Все герои, как один!
 Для которого ж узоры
 Вышиваю, посуды?!
 Коля, Ваня, Жора, Митя
 Отличились здорово...
 Помогите, рассудите:
 Полюбить которого?

Н. КОЛЕСНИКОВ

Гретхен ✓

Сидела Гретхен в полночь у окна
 И любовалась ночью полнолуной.
 О милом друге презила она,
 Как полагается девице юной:

«Придет, цветок приколет к волосам,
 Потом безмолвно поделует ручку...»
 Вдруг равкнул хриплый бас:
 — К шести часам
 Явиться вы обязаны на случку!

В. ГРАНОВ

✓ Дохлая мышь

УТРО в квартире Брехановых началось с обильных осадков: жена орошала горькими слезами носовой платок.

Вскоре после этого разразилась буря: госпожа Бреханова, громко всхлипывая, утверждала, что ее муж является по совместительству: а) ничтожной тряпкой, б) мокрой курицей и в) круглым идиотом.

Ничтожная тряпка, мокрая курица и круглый идиот сидел за столом и спокойно допивал свой кофе. Господин Бреханов привык к этим нежным излияниям своей супруги и был бы немало удивлен, если бы к завтраку вместе с холодным кофе не была подана эта порция подогретой ругани.

Наконец он не выдержал и заговорил.
— Милая моя! — сказал он ласково и нежно. — Милая моя, честное слово, я вру.

— Врешь! — ответила она. — Ты не врешь!
— Поверь мне. Я ведь тебя никогда не обманывал. Я действительно вру. Я вру, я лгу, я брешу.

Но госпоже Брехановой трудно сбить с занятых ею позиций:

— Врешь! Ты не врешь.
— Ты меня, милочка, мало знаешь. Я каждый день вру. Вот пойду сейчас в редакцию и опять буду изо всех сил врать, лгать и брехать.

— Если бы ты действительно брехал, я давно имела бы новое котиковое манто.

— Ты будешь иметь котиковое манто! Ты представить себе не можешь, как я буду бесстыдно лгать всю эту неделю.

— Не верю. И вообще вы, болгарские журналисты, не умеете врать.

— Как это так — не умеем? Мы стараемся.

— Но получается у вас коряво, бездарно. Даже румынские журналисты опередили вас. Они пишут, что Антонеску пользуется огромной любовью у народа, — вот это настоящая ложь! Они пишут, что румынские солдаты не любят сдаваться в плен, — вот это брехня, прима, первый сорт! Вам, представителям болгарской прессы, далеко до румын. Они врут целыми оркестрами, а вы?

— Мы тоже...

— Что — тоже? А до итальянцев вам уж совсем далеко. Так брешут, что любо-дорого послушать! Сама наднях читала в римской газете такую фразу: «Непобедимая итальянская армия». Вот это высокий класс вранья! Недаром Геббельс одному редактору в Риме прислал в знак признательности свой портрет.

— Если у этого редактора есть детишки, они теперь, наверно, режут целыми днями от испуга.

— А еще говорят, что другому римскому журналисту сам Гитлер прислал на память свои поношенные штаны. Носи, мол, и ври дальше!

— Я бы, милочка, тоже лучше врал, но мешают интриги. Меня в редакции затирают. Ходу не дают. Сам редактор, господин Лакеев, врет исключительно подвалами. Секретарь редакции господин Пустомелов, что ни соврет, то двести строк, не меньше. А меня посадили на мелкую ложь. О том, что в Москве нет тротуаров, об этом поручили написать Собакову. О том, что никаких славян никогда не было и не будет, написал сам Лакеев.

— Ну, а про Ельню?

— Честное слово, это я все придумал! И насчет того, что Ельню взяли не русские, а немцы. И насчет того, что уничтожены восемь дивизий, в том числе дивизия СС, принадлежали русским, а не немцам. Все это я придумал. Но у меня выхватили, и Пустомелов написал об этом сам. Что я могу сделать! Я бессилен против этой банды бессовестных разбойников пера.

— А ты сегодня напиши, что пять немецких солдат во главе с ефрейтором окружили русскую танковую дивизию...

— Это, милочка, уже напечатано в немецкой газете.

— Проклятые фашисты! Они забирают не только урожай у болгарских крестьян, но и отбивают хлеб у болгарских журналистов. А ты возьми да и напиши, что два немецких унтера при поддержке ефрейтора захватили русский город Перпендикулярск.

— Да ведь такого города нет!

— Ничтожная тряпка! Мокрая курица! Круглый идиот!

— Все понял, милочка. Я ведь понимаю тебя с полуслова. Обязательно напишу.

Скромный труженик надел шляпу и поспешно вышел на улицу. По дороге в редакцию он остановился у газетного киоска, где продавалась газета «Ежедневный вральник» — газета, в которой работал господин Бреханов.

— Почему так много нераспроданных газет? — спросил он старика-киоскера.

— Редко кто читает эту гад... эту га...

— Что вы хотите этим сказать?

— Я говорю, — ответил старик, — что редко кто читает эту га... вету.

— Вы давно заикаетесь?

— Недавно. С тех пор, как вынужден торговать этой га... ветой.

— Дайте мне номер.

— Пожалуйста.

Старик снял с полки перчатку, надел ее на правую руку. Только после этого он взял газету и вручил ее покупателю.

Когда Бреханов отошел, старик снял перчатку и, брезгливо морщась, произнес:

— Фу, какая га... гадость. Словно я держал за хвост дохлую мышь.

В РЕДАКЦИИ БОЛГАРСКОЙ ГАЗЕТЫ

Рис. К. Елисеева.

— Послушайте, вы, редактор! Переверните это на болгарский язык.

Г. РЫКЛИН

Нежный муж.

Ворона и лисица ✓

(Басня)

В Берлине где-то бог послал Вороне сыру.
Она позавтракать совсем уж собралась,
Но, чуть попробовав, сказала:

— Ну и мразь!

Ее назвали сыром — для близиру!

Не понимаю, хоть убей:

Что это? Смесь песка и отрубей?

Иль синтетическая масса?

Отвратных качеств масса!

И потому

Я этот сыр на завтрак не возьму!

Вдоль леса той порой Лиса плелась уныло.

— Не хочешь ли сырка? — Ворона спросила.

— Эрэзэного?! Я не сошла с ума!

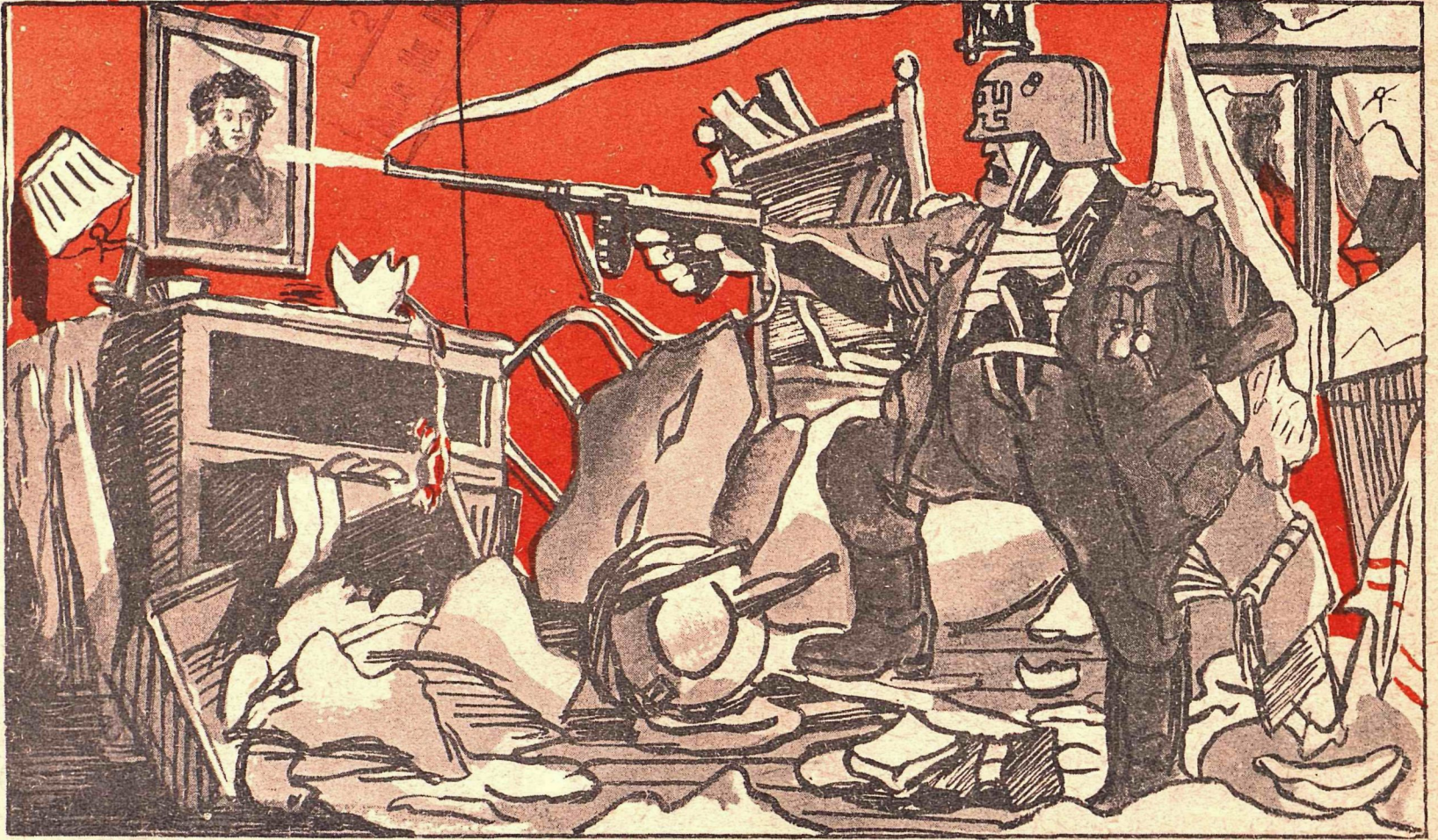
Спасибо! Ешь его сама!

Уж сколько раз твердили миру,
Что в сыре должен быть хотя б кусочек сыру.

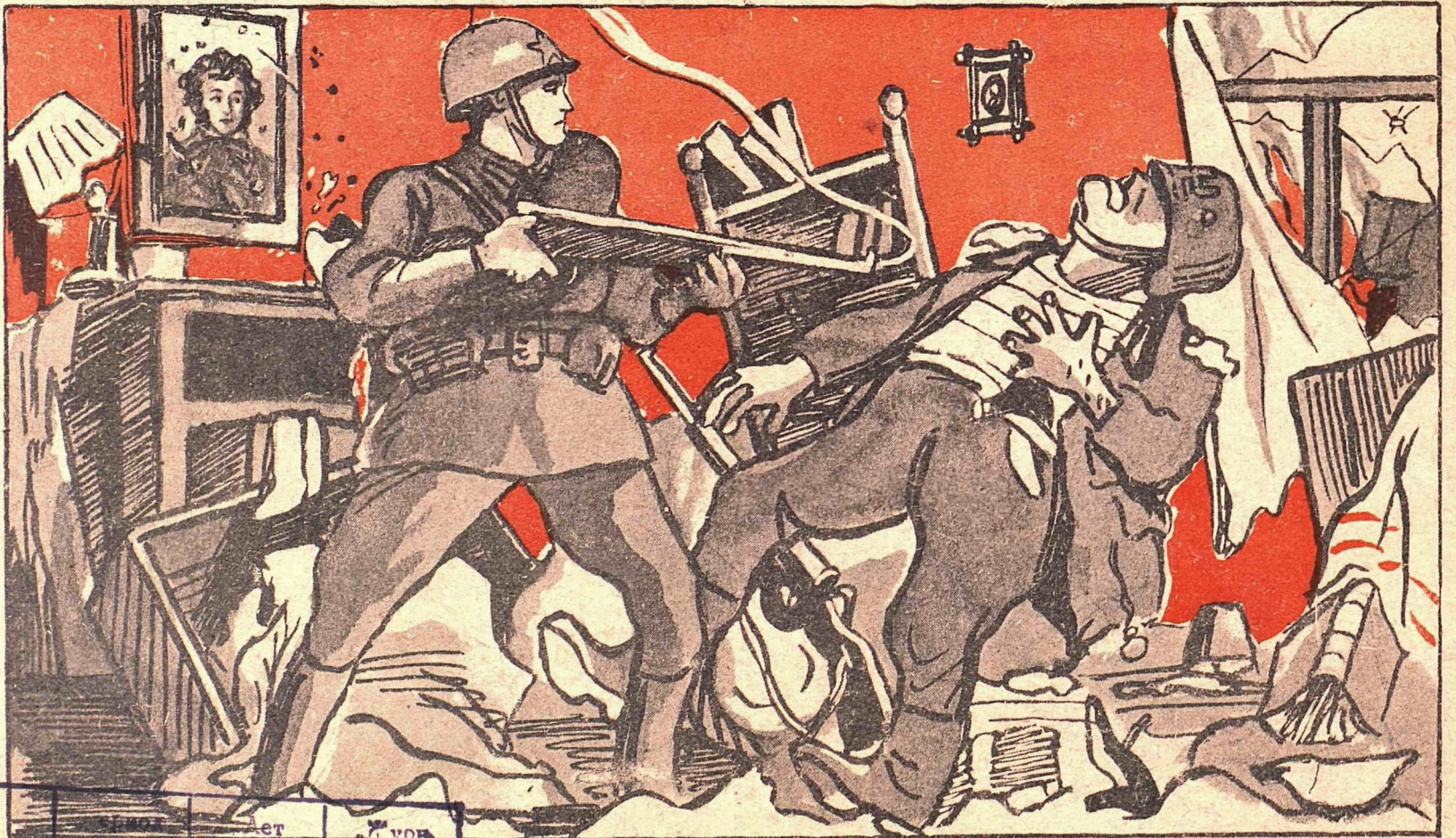
Михаил ПУСТЫНИН

Немцы, отступая из Ельни, расстреляли в местном музее портрет Пушкина.

Рис. Л. Бродаты.

Первым стрелял обер-лейтенант Курц.

Вторым стрелял один из читателей Пушкина, красноармеец Иванов.
Результат: Пушкин жив, лейтенант Курц убит наповал.

Получ. в ред.	30/15	Дет. лицензий	Л. Бродаты
Сдан в архив	30/15 1/5		